Лада ПРОКОПОВИЧ

МЫШЬ

1

В деканате завелась мышь. Декан, никак не ожидавший такой провокации во вверенном ему подразделении, поделился горем с подчиненными:

— Представляете, эта зараза сожрала все мои конфеты! Сегодня утром прихожу, открываю коробку, а там остался только один вот такусенький огрызочек!

Встретив сочувственные взгляды, декан немного успокоился.

— Конечно, — рассудительно произнес его заместитель, — если бы огрызков осталось больше, было бы не так обидно...

— Представляю, — задумчиво сказала секретарша, — приходит мышь, открывает коробку, съедает конфеты, закрывает коробку и уходит...

— Да что вы к словам цепляетесь! — возмутился декан. — Ну... не открыл я коробку — она была приоткрыта... Какая разница? Конфеты ж она все равно сожрала!

Однако, как ни убивался декан по своим конфетам, он смог простить их этой мелкой твари. Простил и разбросанные документы на своем столе. Простил даже кал на этих документах — прямо на подписи ректора (да, согласна, вопиющее святотатство! Но он ей простил).

А вот когда декан заметил, что эта мерзавка точит книги, он объявил ей войну.

Вечером он позвонил другу:

— Привет, мин херц. Мне нужна твоя мышеловка.

На том конце провода — тишина. После паузы:

— Кого ты имеешь в виду?

— Да не "кого", а "что"! Мышеловку.

Пауза.

— Ну, не знаю... есть ли она у меня...

— Должна быть.

Пауза.

— Ты уверен?

— Ну да. Мы ж в прошлом году с тобой на Привозе ее покупали. Там еще дедуля такой оригинальный ходил и кричал: "Мышеловка! Первый сорт! Бьет врага беспощадно!". А у меня на работе как раз такой враг завелся.

— Да-да, вспоминаю... Надо поискать в подвале...

— Поищи, поищи. Завтра я к тебе зайду.

2

В старину говорили, что в жизни человека есть часы, которые не идут в счет определенного судьбой срока. Если это так, то время, проведенное деканом за разглядыванием мышеловки, как раз и было таким чудесным моментом.

Забыв обо всем на свете, забыв даже о губительном предназначении этого достижения человеческой мысли, декан с увлеченностью девятилетнего ребенка щелкал пружинкой и наблюдал за слаженной работой всех деталей механизма. Вызывал восхищение точно рассчитанный изгиб крючочка, заставляла удивляться упругость стальной пружины... И все это математически строго, красиво, мощно! "Вот, — думал декан, — наглядный пример того, что в технике простота граничит с гениальностью!"

Но тут его взгляд упал на превратившийся в труху учебник по теории машин и механизмов, и он вслух злорадно добавил:

— На механизмы посягнула — от механизма и погибнешь!

В этот момент за окном зловеще полыхнула молния (это зимой-то!), и по стене скользнула тень декана с какими-то странными рожками на голове. Далее по правилам жанра должно было последовать люциферское "Ха-ха-ха-ха!", но... не последовало. Зазвонил телефон, и декан погрузился в повседневную рутину, забыв на время о своей подопечной.

3

А спустя несколько дней он снова жаловался трудовому коллективу:

— Ума не приложу, что делать. Эта диверсантка не идет в мышеловку!

— Ее можно понять, — тихо усмехнулся замдекана.

Декан, не расслышав смешка (или сделав вид, что не расслышал), продолжал на своей волне:

— Как бы ее туда завлечь?

— А что вы ей туда кладете? — поинтересовалась секретарша.

— Как что? Сыр, конечно!

— "Тома и Джерри" насмотрелись? — то ли спросил, то ли констатировал замдекана.

— А что?

— Да не едят наши мыши сыр!

Левый глаз декана начал нервно подергиваться. Пытаясь его усмирить, декан левой рукой приподнял очки, а правой был готов задушить своего заместителя.

— Что ж ты раньше-то молчал?! — прошипел он.

— Вы не спрашивали.

— Пока я ее тут сыром соблазнял, она у меня весь "Сопромат" погрызла!

Декан запустил руку в карман и вытащил оттуда горсть мелких бумажек. Тихо и безнадежно посыпался на пол бумажный снег. На отдельных снежинках можно было прочитать "ение", "нагруз", "эпюра", "Q=dM/dx", "балка"... Слова, священные для каждого технически образованного человека. Уравнения, заставляющие учащенно биться сердце любого лирика от физики... Разве какая-то серая (серая!) мышь может это понять? Разве это ущербное существо способно вздрогнуть от словосочетания "изгибающий момент" или, скажем, "балка с защемленным концом"? Впрочем, насчет защемленного конца — это мы еще посмотрим!

— А что же они едят? — спросил декан, с тоскою глядя на обрывки великого учения. — Кроме книг, конечно...

— Сало, — последовал ответ. — Копченое.

— Ого!

— Я же вам говорю — наши мыши!

4

Постепенно выяснилось, что мыши (или только эта сволочь?) не едят ни сыр, ни сало, ни колбасу, ни крабовые палочки, ни чипсы...

— А может, ее на конфеты ловить? — предложил замдекана. — Она ж тогда у вас всю коробку съела.

— Нет! — запротестовала секретарша. — На конфеты лучше меня ловите!

Лица мужчин на секунду (только на секунду!) озарились лукавым огоньком, но тут же потухли и приняли вполне деловое, официальное выражение.

— Так тебе к конфетам еще и шампанского захочется, — заметил декан.

— Идея! — воскликнул заместитель. — А может, и этой (кивок в сторону книжного шкафа) налить?

— Ну, знаете! — развел руками декан.

— А что? — загорелся заместитель. — Накапаем ей пять капель... а под водочку, глядишь, и сало пойдет...

— Тебя послушать, так создается впечатление, что наша цель — не убить ее, а накормить!

— Тоже вариант! — все больше вдохновлялся заместитель. — Если не получается уничтожить, попробуем договориться.

— С кем??

— С мышью. Я когда в армии служил, у меня тоже была такая подружка. Я ж был художником-оформителем, и мне выделили каптерку, чтобы я там рисовал стенгазеты и боевые листки. А тут повадилась одна... То ватман погрызет, то в краски нагадит, подлое животное. Бился я с ней, бился... А потом стал подкармливать. Поставил, так сказать, на довольствие в Советскую Армию. Все ж лучше, чем вредительство...

— Правильно, — вставилась секретарша. — Как гласит восточная мудрость, если не можешь задушить — обними, не можешь запретить — возглавь.

Декан молитвенно возвел глаза куда-то вверх (то ли к иконе Христа Спасителя, то ли к диплому победителей КВН) и испустил мученический вздох.

— В любом случае, — не унимался заместитель, — ее легче будет брать в состоянии алкогольного опьянения.

— И что потом будем с ней делать? — спросил декан, уже не имея сил возражать.

— Ну... не знаю... отдадим коту...

— Какому?

— Да хоть бы Мурчику. Он почти каждый день ко мне заходит.

— Чтобы потом еще и кот был в состоянии алкогольного опьянения?!

— Ну... тогда я не знаю, — сдался замдекана. Наступило тягостное молчание. Кто о чем в этот момент думал — неизвестно. Но декан вдруг заговорил официальным тоном.

— Шутки шутками, — сказал он, — но она уже приступила к протоколам наших заседаний за прошлый год.

— Нет! — раненой чайкой вскрикнула секретарша.

— Да, — холодно отрезал декан и вышел из приемной.

5

Став лицом заинтересованным, секретарша вложила весь свой профессиональный талант в решение этой проблемы. Она обзвонила подруг, проконсультировалась с соседями, заглянула в интернет... И уже через три дня преподнесла шефу рецепт:

— Нужна кошка.

Декан поглядел на нее поверх очков и утомленным придушенным голосом произнес:

— Надюша, этот вариант мы уже обсуждали. Мурчик на нее не ведется.

— В том-то и дело! Мурчик — кот. А нам нужна кошка.

— Гм... интересно, — оживился декан. — А где же мы возьмем кошку?

— Да найдем уж где-нибудь, — с оптимизмом сказала секретарша. — Главное, что средство — надежное.

6

И действительно, средство оказалось надежным. Не прошло и двух дней, как мышь исчезла.

А спустя два с половиной месяца декан самозабвенно нянчился с целым выводком котят и еще более самозабвенно проклинал Мурчика (расцветка одного котенка давала все к тому основания).

На дверях деканата появилось объявление интригующего содержания:

Внимание!
Студенты, взявшие на воспитание котеночка, будут освобождены от уборки снега на территории университета.
Администрация.

Но желающих пойти на столь выгодную сделку не находилось. Ибо кто может рассчитывать на то, что обещание, данное в мае, будет выполнено в декабре? Мало ли что за это время может случиться...

Тарелки

В замечательной книге Валентины Голубовской "На краю родной Гипербореи" есть рассказ "Этот лев — Макс". История, потрясающая своей знаковостью.

Валентина Степановна поведала, как однажды в антикварном магазине увидела английскую тарелку с изображением льва, но по вполне объективным причинам ее не купила. Зато ее супруг, руководствуясь еще более объективными причинами, на следующий же день купил эту тарелку и вручил жене со словами: "Как же ты не вспомнила, что о подобной тарелке, только другого цвета, писала Марина Цветаева! Вот же по краям античные герои, а лев похож на Максимилиана Волошина — больше, чем сам Макс! Она же единственное, что увезла с собой в эмиграцию, — такую тарелку!".

Вот воспоминания самой поэтессы об этом: "У меня здесь, в Кламаре, на столе, на котором пишу, под чернильницей, из которой пишу, тарелка. Столы и чернильницы меняются, тарелка пребывает, вывезла ее в 1913 году из Феодосии и с тех пор не расставалась. В моих руках она стала еще на двадцать лет старше. Тарелка страшно тяжелая, фаянсовая, старинная, английская, с коричневым по белу бордюром из греческих героев и английских полководцев. В центре лицо. Даже лик: лев. Собственно, весь лев, но от величины головы тело просто исчезло. Грива, переходящая в бороду, а из-под гривы маленькие белые сверла глаз. Этот лев — самый похожий из всех портретов Макса. Этот лев — Макс, весь Макс, более Макс, чем Макс".

Кто бы смог, увидев в *одесской* антикварной лавочке старую *английскую* тарелку, соотнести ее с *французскими* воспоминаниями Цветаевой?!

"В этой тарелке — характер Голубовского!" — заметила Валентина Степановна.

Когда мне посчастливилось побывать в доме Голубовских, то среди многочисленных произведений искусства я увидела и эту тарелку. Я посмотрела на нее, подышала, но дотронуться не посмела. Я только еще раз сказала Евгению Михайловичу, что история с этой тарелкой действительно очень символична.

А когда я покинула этот гостеприимный, светлый, пропитанный духом творчества дом, мне в висок словно молния ударила. "Боже мой! — вспыхнуло в мозгу. — А ведь в моей жизни тоже была знаковая тарелка!"

И я вспомнила, как в детстве разбила тарелку. Да не простую, а из сервиза. Да не из простого, а из сервиза под названием "Мадонны" — аляповато-перламутровый фарфор с изображением толстых теть в пасторальных сценах. В то время эти сервизы были в моде, хотя стоили очень дорого и достать их было почти невозможно. Именно "достать", поскольку в магазинах они не продавались, а привозились из-за границы женами военных. Но моя мама сумела добыть это сокровище, этот шедевр ГДРовского ширпотреба! Правда, наш семейный бюджет смог осилить только шесть тарелок, но их оказалось вполне достаточно, чтобы мы не чувствовали себя оторванными от мировой культуры.

И одну из этих тарелок я разбила. Очень удачно разбила: на две части. Но эту удачу я не осознала и решила замести следы. Взяла и выбросила половинки в мусорное ведро. Упав на дно пустого ведра, они разбились уже не так удачно: на кучу мелких осколков.

Меня никто за эту тарелку не ругал. Но когда мама узнала подробности, схватилась за голову: "Господи! Ну что мне делать с этим ребенком?! Зачем же ты ее добила? Ведь ее можно было склеить! Стояла бы себе для красоты... А теперь..."

Потом в моей жизни было много разбитых тарелок, чашек, сердец... Но эту тарелку я помню до сих пор. Каждый раз, когда передо мной возникает "разбитая" ситуация, я не впадаю в отчаяние, а начинаю прикидывать, что здесь можно "склеить". И оказывается, что почти всегда можно подогнать осколки друг к другу, всегда можно подобрать подходящий клей и всегда можно найти применение этому надломленному, но спасенному сокровищу. И даже в том случае, когда оно уже не сможет служить по назначению, оно останется как память — память об ушедших людях, исчезнувших странах...

Мои размышления об исторической роли тарелок закончились тем, что я, затосковав по своей тарелке из детства, позвонила родителям в Тирасполь и выпросила два прибора из оставшихся "Мадонн".

Пересекая украино-приднестровскую границу, эти тарелки приобрели дополнительную историческую ценность, поскольку стали свидетелями того, как умозрительная граница превращается в конкретную контрольно-следовую полосу. Которую во славу украинского суверенитета роет американская машина. Тоже, знаете ли, веха.

Кстати, только сейчас я обратила внимание на то, что эти тарелки не просто из Германии, а из Веймара. Города, освященного именами Гете, Шиллера, Листа!

Пораженная и воодушевленная этим открытием, одну из тарелок-путешественниц я повесила на стене своей кухни, другую подарила Голубовским. Вдруг они повесят ее рядом с уже легендарной Цветаевско-Волошинско-Голубовской тарелкой?

Куда идем?

Наша страна, раздираемая многовекторностью нашей же политики, никак не может решить, куда ей идти, — на Запад или на Восток, в синюю часть спектра или в красную... Возможность идти собственным, особенным путем как вариант практически не рассматривается (не доросли?).

Я как человек политически неграмотный, идейно неподкованный и, страшно сказать, *як людина національно несвідома*, предлагаю вообще никуда не идти. Как в том анекдоте про рыбаков — предлагаю взять по три бутылки водки на рыло и из автобуса не выходить.

Нет, ну в самом деле, какой Запад? Какой Восток? У нас же такие разные взгляды на жизнь! Я, например, как бы ни старалась, не могу смотреть на мир глазами японца или, скажем, китайца. Не могу я на него взглянуть и европейским взглядом (уж простите!). Мне дано смотреть на мир глазами украинки, а точнее — одесситки.

Сидит, к примеру, какой-нибудь старый китаец на живописном камне и созерцает прекрасный пруд. На гладкой поверхности воды он наверняка увидит лотос, который для него, для китайца, является символом вселенской мудрости и гармонии.

Я же, глядя на тот же самый пруд, вижу, как из него выпрыгивает лягушка и возмущается:

— Не, я не врубилась! Какого черта эти отдыхающие швыряются тут камнями?! Не нравятся вам наши песни — не слушайте. Зачем же искусству на горло наступать? В искусстве каждый имеет право на индивидуальную форму самовыражения! В иску... — и обрывает свою речь на полуслове, поскольку очередной камень, пущенный очередным отдыхающим, попадает точно в цель.

Или, допустим, японец. Продукт одной из древнейших и утонченнейших культур. Вооружившись маникюрными ножницами и пилочками, он глубокомысленно кромсает молодое деревце, чтобы сделать из него бонсаи — символ эстетического единения человека и природы.

А я смотрю, как сотрудники одесского "Зелентреста" с богатырской удалью размахивают бензопилами, спиливая засохшие на корню сосны (символ долголетия). Проходящая мимо девочка дергает за руку свою мать:

— Мама, смотри, они дрова косят!

Тут же, рядом, можно наблюдать и другие деревья. Шелковицу, например. Какой-нибудь экономный немец или, ну, не знаю, предприимчивый поляк посмотрит на это дерево и начнет в уме подсчитывать, какую прибыль (в пересчете на евро) оно даст, если на него запустить тутового шелкопряда.

А я замечаю, как под этим деревом ползает голопузый мальчуган и собирает ягоды. На дереве сидит его отец и с бесконечной усталостью в голосе стонет:

— Синку, я вже буду злізати...

— Ні! Я ще не наївся.

Пока одесский малыш ест шелковицу, где-то далеко, за морями, за туманами, истинный англичанин пьет чай (что же еще может пить истинный англичанин?). И видит он, англичанин, в своем чае и прекрасный напиток, и многовековую традицию.

Я же смотрю на чай и в упор чая не вижу. Как, собственно, и традиций. Ибо в нашем национальном чаепитии никак не удается закрепить традицию — что считать чаем: коньяк с лимоном, шампанское с конфетами, водку с огурцом, пиво с воблой, слезы с сигаретой, сигарету с бабой, бабу с чаем или что-нибудь еще. Наша широкая творческая натура позволяет понимать под чаем все, что на данный момент мы можем себе позволить.

Спрашивается, как с такими взглядами мы можем куда-то идти? Чем мы можем обогатить мировую культуру, не подрывая ее основ? Что мы можем привнести в мировую экономику, не нанося ей ущерба?

Может, все-таки, из автобуса не выходить?.. По три чая на рыло — и можно хорошо посидеть.